

СЕКЦИЯ 3. ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПОЛИСУБЪЕКТНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ

В. Е. Кемеров,
зав. кафедрой социальной философии УрГУ
(г. Екатеринбург)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ПОЛИСУБЪЕКТНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ

Концепция *полисубъектной социальности* — это предложение выйти за рамки стереотипов, редуцирующих социальность к внешним по отношению к индивидам, «вещеподобным» структурам или к «двоичным» схемам диалоговых, социальных, коммуникативных, понимающих и прочих подобных взаимодействий. Эта концепция — средство преодоления традиционных оппозиций социального и индивидного, фундаментального и поверхностного, внутреннего и внешнего, феноменологического и метафизического. Необходимость такого преодоления тем отчетливей, чем выше практический и мировоззренческий запрос на понимание изменений в формах современного социального мира.

В перспективе, задаваемой этой концепцией, *проблема толерантности ставится как проблема социальной формы*; собственно толерантность оказывается своего рода «исчезающим» элементом социальной формы, без которого последняя не может ни сохраняться, ни возникать.

XX столетие продемонстрировало распад различных социальных форм, натуралистически используемых и механически истолкованных согласно «логике вещей»; социальная физика и социальная геометрия потерпели крах. Вместе с натуралистическими концепциями социальности в прошлое уходят и соответствующие концепции толерантности, толковавшие последнюю как некую культурную универсалию или моральный идеал. Ныне *вопрос о толерантности — это вопрос о том, как возможна в современном человеческом мире социальная форма*, как возможно ее достижение, как возможно дальнейшее существование социальности.

Концепция полисубъектной социальности указывает на радикальный поворот в методологии современного обществознания. Существенные изменения в трактовке социальности требуют последовательной переоценки основных представле-

ний о том, что такое общество и что такое обществознание, какова динамика социального и какова структурность познания общественной жизни. Нельзя понять динамику современной социальности, не пересмотрев положение о соотношении дисциплин социально-гуманитарного познания, принципов их интеграции, основных понятий, характеризующих взаимозависимую жизнь людей. Соответственно, невозможно прояснить проблему толерантности, оставив в стороне все эти вопросы; только в методологической перспективе, фиксирующей трансформации социального бытия и познания, эта проблема приобретает актуальный смысл.

Заостряя ситуацию, можно сказать так: для классической философии естественным был вопрос «Что такое толерантность?..» На него можно было отвечать в «общем виде», говоря о толерантности самой по себе и в принципе на время забыв о конкретных людях.

Для современной философии суть вопроса: как возможна толерантность? Иначе говоря: каковы условия ее выполнения, как она достигается и, самое главное, **кто ее реализует?..** Для классической философии главным в этом вопросе была «чтойность». Для современной философии главной оказывается «ктойность», иными словами, субъектность.

Подчеркнем: вопрос о возможности толерантности является, вместе с тем, вопросом о ее необходимости... Почему сообщество людей не может обойтись без толерантности как социальной формы, почему регулярно возникает вопрос о сохранении или проектировании толерантности, какое значение имеет форма толерантности для процессов социального воспроизводства?.. Нетрудно заметить: современная философская постановка проблемы толерантности в значительной мере осуществляется как социально-философская, максимально учитывающая динамику социальности и ее познания. На это же косвенным образом указывает смещение интереса к толерантности из области религиозной, моральной и психологической в область социально-практическую и социально-методологическую. Собственно, сам характер такого смещения получает объяснение прежде всего в сфере социальной философии¹⁵.

¹⁵ См. подробнее: *Кемеров В. Е.* Общефилософский смысл социальной философии // XXI век: будущее России в философском измерении. Доклады Второго Российского философского конгресса. Екатеринбург, 1999.

Толерантность — одна из проблем, влияющих на методологические поиски, идущие в современном обществознании. Путь к толерантности далее невозможен без изменения мыслительных и деятельных форм, и прежде всего философских стереотипов. Стало быть, речь идет не только о том, что наряду с психологией или этикой о толерантности можно по-иному рассказать с позиций социальной философии как особой дисциплины. Речь — главным образом о том, что методологическая динамика современного обществознания и социальной философии вынуждает к работе над новой стилистикой рассуждений о толерантности, преодолевающих прежние представления о взимообусловленностях жизни людей и о связях тех научных дисциплин, что эти взимообусловленности описывали.

Полисубъектная социальность проступает на фоне распадающихся картин, рисовавших социальность как некое вместилище совместной и индивидной жизни людей: общество, «сферы деятельности», группы — как своего рода помещения, заполняемые человеческими индивидами. Ныне ясно: общество не совпадает с политической геометрией государства, социальное бытие — с экономической физикой отраслей и сфер, а структуры социальности не могут воспроизводиться, если они не включены в процессы индивидуальной жизни людей...

В середине XX в. социологи делили картину социальности на макросоциологические и микросоциологические представления: структуры общества — макросоциология, индивидуальные взаимодействия — предмет микросоциологического анализа. Такое деление было удобным, но оно переставало срабатывать всякий раз, когда сталкивалось с проблемами становления (проектирования, конструирования, обновления) структур социальности.

О социальном значении индивидного бытия людей можно не думать, когда общественная система работает как отлаженный «механизм». Но поскольку во второй половине XX в. таких «механизмов» оказывалось все меньше и возникали сильные сомнения в самом устройстве социальной системы по принципу «механизма», все настоятельнее выдвигались вопросы трактовки человеческих индивидов как «ядерных» структур социальности, обеспечивающих энергетику социального

бытия, поддерживающих и обновляющих его формы. Речь не о пресловутых «социальных атомах» классической экономики и социологии, продуцируемых путем редукций к неким вещным стандартам. Речь — о социальных индивидах как самодействующих силах и самобытных формах, взаимообусловленностью своей воспроизводящих «ткань» социального бытия независимо от того, в какие наиндивидуальные субъекты они объединяются и к каким социальным подсистемам редуцируются.

Именно **субъектность** человеческих индивидов — а не только их присутствие в социальности (тем более — не редукции их жизни и деятельности) — оказывается решающим условием обновления социальных форм, будь то суперформация в духе мир-системы И. Валлерстайна, взаимодействие культур или общественные институты. Обращение практиков и теоретиков к идеям *качества* жизни и деятельности было косвенным указанием на то, что время редуцированных (до уровня «зубчиков» или «винтиков» социальной машины) человеческих ресурсов проходит и речь теперь пойдет об обнаружении (культивировании) этих ресурсов именно в субъектной форме, о воспроизводстве социальной формы в субъектных взаимодействиях людей.

Концепция полисубъектной социальности наталкивается на мощные стереотипы, как будто закрепленные в основах методологии обществознания и накрепко связанные с некоторыми обыденными формами. Прежде всего — это трактовка *социального как общего*. В массовом (обыденном и научном) сознании — это *абстрактное общее*, к которому сводятся особые человеческие силы и индивидные различия. Согласно такому пониманию социальности общество как социальная связь реализуется через редукции индивидных различий и оказывается «над» индивидными субъектами с их специфическим бытием.

Концепция полисубъектной социальности, **напротив**, предполагает, что индивидные субъекты через кооперацию различных и своеобразных сил создают всевозможные композиции общественных связей, где редукция индивидного к общему является лишь одной из форм кооперирования человеческих сил. Таким образом, *общее может трактоваться не как результат сведения различий, а как связь между различиями, а социальное, соответственно, как связь различных субъек-*

тов. Режим существования такого общего отличен от форм существования абстрактно-общих социальных схем. И это — особая методологическая проблема. Во всяком случае можно говорить, что этот режим не «схватывается» и не описывается в натуралистических и абстрактно-метафизических схемах классики и родственных им схемах традиционного и обычного мышления.

Стереотип, трактующий социальное как абстрактно-общее, прочно связан с другим, *противопоставляющим социальное и индивидуальное*. Этот стереотип фиксирует социальность как супериндивидуальное образование (группу, организацию, класс, институт, массу) или как безразличное к индивидуальному присутствие общей связи в самих людях (интерсубъективность). За рамками стереотипа, таким образом, остается процесс воспроизводства социального, протекающий как в формах непосредственной совместности, так и в формах непосредственно индивидуальных. Тем более вне поля зрения остаются опосредованные взаимозависимости социальных индивидов и определения их совместности не фигурами физического пространства, а композициями их деятельностей в социальном времени и социальном пространстве. Для этого стереотипа остается совершенно непосильным тот парадокс, что синтез социальности происходит в индивидуальной деятельности, а разделение и упрощение социальности в деятельности непосредственно коллективной.

Разрешением этого парадокса и оказывается *трактовка социальности как общности различных* субъектов, где их различия и особенности воспроизводятся не как натуральные и квазиестественные данности, а как различия в социальном времени и в социальном пространстве¹⁶.

Толерантность, рассматриваемая в контексте полисубъектной социальности, оказывается методологической проблемой. Традиционный вопрос «Что есть толерантность?» — теряет смысл, поскольку толерантность не «есть» и поскольку она не есть «что»... В плане полисубъектной социально-

¹⁶ Кемеров В. Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7; Кемеров В. Е. Индивидуальное и коллективное // Современный философский словарь. Лондон, 1998.

сти толерантность не является социальным «фактом» или социальной «вещью» в дюркгеймовском смысле. Ее невозможно взять и рассмотреть как форму, встречающуюся в разных социальных типах отношений между людьми или в разных научных дисциплинах. Толерантности нет, пока мы не прояснили вопрос о том, **кто** взаимодействует, каковы **субъекты** взаимодействия. Вопрос о том, что такое толерантность, находится в полной зависимости от ответа на вопрос, кто реализует толерантность. Поэтому, с точки зрения социальной философии, малопродуктивными представляются попытки определить толерантность в общем виде, а потом показывать, как она существовала (существует) в разных социальных, исторических, культурных, научных контекстах.

В этом плане малообещающим видится путь создания некой интегративной концепции толерантности за счет соединения психологических, этических, логических (и т. д.) научных трактовок толерантности. Понятие толерантности не исчерпывается одномерными отображениями толерантности как личностной способности, институционализированной или коммуникативной формы: все это включается в толерантность, если она достигается как существенный момент социального воспроизводства¹⁷. Проблема же толерантности фиксирует разрыв в социальном воспроизводстве, фиксирует дискретность социального процесса при отсутствии возможностей для его возобновления. Сложившееся разделение труда в социально-гуманитарном познании в значительной мере есть превращенная форма такого разрыва, в результате чего предметно-методологические установки научных дисциплин обнаруживают *по отдельности* вещные, институциональные, коммуникативные, личностные моменты социального воспроизводства. Деятельные (логические, моральные, психологические) способности индивидного субъекта оказываются отделенными не только от коммуникативных и предметных форм, но и друг от друга¹⁸. Таким образом, разрушение субъекта производится респектабельным научным познанием задолго до того, как идея такого разрушения оформляется в постструктурализме.

¹⁷ Кемеров В. Е. Взаимопонимание. М., 1984.

¹⁸ Кемеров В. Е. Диалектика нравственных, логических и психических качеств человека // Диалектика и этика. Алма-Ата, 1983.

Взгляд на толерантность заслоняется существующей системой разделения труда между дисциплинами социально-гуманитарного познания. Перед социально-гуманитарным сознанием — дилемма: либо оно соразмерит свои предметно-методологические формы с размерностями проблем, которые люди решают в своей индивидуальной и совместной деятельности, либо оно окажется на периферии процесса социального воспроизводства, то есть утратит свое социальное значение. Проблема толерантности отчетливо фиксирует критическое состояние современного обществознания. С другой стороны, только меняющаяся методология обществознания может прояснить современные параметры этой проблемы.

Методология социально-гуманитарного познания в XX столетии прошла мучительный путь преодоления редукционистских процедур, производивших макросхемы социальных систем, но игнорировавших бытие человеческих индивидов как субъектов социального процесса. В результате на первый план вышли схемы социального и коммуникативного действия, диалоговые представления, трактующие социальность по образу и подобию непосредственного общения человеческих индивидов.

Следующий ход — «возвращение» в социальный процесс многообразной человеческой предметности, которая по сути не противостоит коммуникации, а представляет собой огромный набор схем человеческой самореализации и ее опосредований, обеспечивающих социальное воспроизводство. Эти опосредования в их многомерности не фиксируются в непосредственных взаимодействиях, но они реально нарушают bipolarность диалогического пространства и, «растягивая» его геометрию, постоянно его оживляют и проблематизируют, открывают его к непосредственно неданному бытию.

Радикальное прочтение социальности так или иначе оказывается связано с *метафизической тематикой*. Но это — не та метафизика, на которой настаивала классическая философия. На смену аксиоматике абстрактно-общих определений бытия идет *проблематика социальных опосредований и дальностей, чувственных и сверхчувственных связей, полисубъектной социальности и полифонии бытия*, проблематика конкретного отношения человека к «не-своему-друго».

му»¹⁹. Современное освещение проблемы толерантности существенным образом зависит от методологически последовательного освоения нами этой тематики.

И. А. Латыпов,

*доцент каф. социологии коммуникаций УдГУ
(г. Ижевск)*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И МИР: ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Актуальность данной темы связана с тем, что в современном обществе информация является важнейшим ресурсом и становится объектом борьбы в информационных войнах различных видов. С другой стороны, именно в борьбе, в непримиримом противостоянии различных интересов и обостряются проблемы толерантности. Формирование основ толерантности является условием достижения консенсуса в современном мире. Специфика этой проблемы в современном мире связана с «властью информации», с властью средств массовой информации. «Информация — это власть. Доступ к информации есть условие свободы», — писал Д. Белл в работе «Социальные рамки информационного общества».

По В. И. Кашперскому, информация — это понятие, относящееся к «познавательной-коммуникативной сфере человеческой деятельности, обозначающее совокупность сведений о каких-либо событиях и фактах»²⁰. Приоритет информации отличает современное общество от предшествовавших стадий развития цивилизации, определявшихся прежде всего вещественно-энергетическими характеристиками. Термин «информационное общество», по О. Тоффлеру, символизирует новую социальную парадигму. Эта парадигма приходит на смену индустриальной парадигме, сформировавшейся на основе идей Р. Арона, и постиндустриальной парадигме, основанной самим О. Тоффлером и Д. Беллом.

¹⁹ Кемеров В. Е. Метафизика-динамика // Вопросы философии. 1998. № 8.

²⁰ Современный философский словарь (ред. Кемеров В. Е.). Лондон; Франкфурт-на-Майне; М.: Изд-во «Панпринт», 1998. С. 359.